

Научная статья

УДК 811.512.37

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-155-162

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫЕ СЛОВА КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ СООБЩЕСТВ КАЛМЫКИИ

Людмила Алексеевна Лиджиева¹, Евгения Владимировна Голубева², Наран Юрьевич
Мандеев³, Джиргал Мингияновна Лиджиева⁴

^{1,2,3,4} Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия,

¹lidzhieva-la@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4262-5458>

²lisa101@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3279-0361>

³mandeev.naran@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3276-6126>

⁴lidzhieva-dz14@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7571-9998>

Аннотация. Рассматривается безэквивалентная лексика калмыцкого языка как отражение специфики лингвокультурных сообществ Калмыкии. Локальные практики (кочевое скотоводство, буддийские ритуалы, родовые институты) конституируют лексические единицы, не имеющие прямых соответствий в русском языке. Анализируются лексико-тематические группы, отражающие диалектные особенности калмыцкого языка.

Диалектологический материал позволил выявить лексемы узколокального употребления; междиалектную вариативность в номинации одного и того же понятия; семантическую дивергенцию, при которой одна и та же лексема в разных диалектах реализует различные значения.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, калмыцкий язык, торгутский, дербетский, бузавский диалекты

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке научного проекта РНФ № 23-18-00518 «Электронный диалектологический атлас монгольских языков России: базисная лексика».

Для цитирования: Лиджиева Л.А., Голубева Е.В., Мандеев Н.Ю., Лиджиева Д.М. Безэквивалентные слова как отражение реалий лингвокультурных сообществ Калмыкии // Научная мысль Кавказа. 2025. №4. С. 155–162.

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-155-162

NON-EQUIVALENT WORDS AS A REFLECTION OF THE REALITIES OF LINGUOCULTURAL COMMUNITIES IN KALMYKIA

Liudmila L. Lidzhieva¹ Evgenia V. Golubeva², Naran Yu. Mandeev³, Dzhirgal M. Lidzhieva⁴

^{1,2,3,4} Federal State Budgetary Educational Institution 'Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov', Elista, Russia.

¹lidzhieva-la@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4262-5458>

²lisa101@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3279-0361>

³mandeev.naran@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3276-6126>

⁴lidzhieva-dz14@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7571-9998>

© Лиджиева Л.А., Голубева Е.В., Мандеев Н.Ю., Лиджиева Д.М., 2025

Abstract. The article considers the non-equivalent vocabulary of the Kalmyk language as a reflection of the specifics of the linguistic and cultural communities of Kalmykia. Local practices (nomadic cattle breeding, Buddhist rituals, tribal institutions) constitute lexical units that have no direct correspondences in the Russian language. The lexical and thematic groups reflecting the dialectal features of the Kalmyk language are analyzed. The dialectological material allowed us to identify lexemes of narrow-field usage; inter-dialect variability in the nomination of the same concept.; semantic divergence, in which the same lexeme implements different meanings in different dialects.

Keywords: equivalent vocabulary, Kalmyk language, Torgut, Derbet, Buzava dialects

Acknowledgements: the research was carried out with the financial support of the scientific project of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00518 'Digital Atlas of Mongolic Dialects in Russia: Basic Vocabulary'.

For citation: Lidzhieva L.A., Golubeva E.V., Mandehev N.Yu., Lidzhieva D.M. Non-Equivalent Words as a Reflection of the Realities of Linguocultural Communities in Kalmykia. *Naučnââ mysl' Kavkaza*. 2025. No. 4. P. 155–162.

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-155-162

Original article

В последние десятилетия вопросы изучения безэквивалентной лексики занимают одно из важных мест в исследованиях, проводимых на пересечении лексикологии, переводоведения, этнолингвистики, лингвокультурологии и когнитивной семантики. «Язык представляется специфической системой, отражающей как ментальное, так и культурное и психолингвистическое пространство этноса, поэтому в каждом языке существуют «непереводимые» понятия, а также уникальные явления, обусловленные особенностями сознания того или иного народа» [1].

Безэквивалентная лексика – слова и устойчивые выражения, которые не имеют точного однословного соответствия в другом языке – традиционно рассматривается как «внутренние маркеры культуры». Для языков монгольской группы, к которым принадлежит калмыцкий язык, такие единицы особенно показательны: они связаны с уникальным историческим опытом кочевой культуры, буддийской религиозной практикой, эпической традицией, фольклором и региональной социокультурной организацией. К этой группе слов обычно относят реалии (названия предметов, явлений, обычаев), этнокультурные концепты, лакуны, а также устойчивые обороты. Интерес к безэквивалентной лексике обусловлен тем, что в ней концентрируются уникальные способы категоризации мира, ценностные приоритеты и когнитивные модели носителей языка. Именно поэтому она служит особым индикатором культурной специфики и границ переводимости.

В условиях глобализации, миграции и цифровой медиасреды безэквивалентная лексика

быстро циркулирует между языками, формируя гибридные нормы, новые заимствования и смену статусных границ между «непереводимостью» и «частичной переводимостью». Современные корпуса, параллельные базы и инструменты компьютерной лексикографии открывают возможности для более точного описания ее распределения, частотности и контекстных профилей.

Л.С. Бархударов в своих исследованиях к безэквивалентной лексике относит «имена собственные, географические названия, названия учреждений, организаций, газет; слова, обозначающие предметы и понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке, например, названия блюд национальной кухни, виды народной одежды, т.е. лексические единицы одного из языков, которым по определенным причинам нет соответствий в лексическом составе другого языка» [2].

В калмыцком языке выделяют три основных диалекта: торгутский (торг.), дербетский (дерб.) и бузавский. (бузав.). В свою очередь, торгутский диалект имеет два говора: цаатанский и волго-каспийский. Н.Н. Убушаев отмечал, что первые два диалекта являются языками древних ойратских племен. Бузавский диалект – позднее образование, сложившееся уже в составе Российского государства [3]. Вопросами диалектной системы калмыцкого языка и проблемами происхождения отдельных этнических групп занимались такие ученые, как А.Ш. Кичиков [4], Д.А. Павлов [5; 6], Э.Р. Тенишев [7], Н.Н. Убушаев [3; 8]; и др. Перечисленные исследования вносят существенный вклад в изучение диалектной системы калмыцкого языка и этногенеза от-

дельных калмыцких групп. Работы этих авторов отличаются как фундаментальностью собранного фактического материала, так и многоаспектным подходом к его анализу: они опираются на лингвистические, исторические и этнографические данные, что позволяет рассматривать диалектные особенности не изолированно, а в тесной связи с миграционными процессами, культурными контактами и внутренней социальной структурой калмыцкого общества. Вместе с тем имеющиеся исследования не исчерпывают всего спектра проблем, связанных с диалектной вариативностью и происхождением отдельных этнических групп, что обуславливает необходимость дальнейшего переосмысления и уточнения ряда положений с учётом новых полевых материалов и современных методик лингвистического анализа.

Цель данной статьи – выявить характер безэквивалентной лексики калмыцкого языка, а также вычленив и описать лексико-тематические группы, отличающиеся специфическими особенностями употребления в лингвокультурных сообществах Калмыкии.

В соответствии с поставленной целью, определены задачи исследования:

- собрать и систематизировать материал безэквивалентной лексики калмыцкого языка на основе словарей, текстов и полевых данных;
- выделить основные лексико-тематические группы безэквивалентной лексики;
- охарактеризовать особенности функционирования этих групп в различных лингвокультурных сообществах Калмыкии.

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом к проблемам сохранения и описания национальных языков и культур, а также необходимостью глубокого изучения безэквивалентной лексики как важнейшего носителя этнокультурной информации. Безэквивалентная лексика калмыцкого языка отражает своеобразие традиционного образа жизни, мировоззрения и ценностных установок калмыцкого народа, что делает её анализ значимым как для теории лексикологии и лингвокультурологии, так и для практики межкультурной коммуникации, перевода и преподавания калмыцкого языка. Кроме того, в условиях глобализации и языкового сдвига в сторону доминирующих языков выявление и описание таких единиц способствует сохранению национально-культурного наследия Калмыкии.

Материалом для исследования послужили различные словари калмыцкого языка, а также

экспедиционные материалы сбора списков базисной лексики с контекстами.

Методологическую основу исследования составляют антропоцентрический и лингвокультурологический подходы, предполагающие рассмотрение безэквивалентной лексики калмыцкого языка как носителя национально-культурной специфики и отражения языковой картины мира калмыцкого этноса. В работе используются описательный метод, метод сплошной выборки, лексико-семантический и лингвокультурологический анализ. Методика исследования включает поэтапный отбор языкового материала, его классификацию по лексико-тематическим группам, последующий лексико-семантический и лингвокультурологический анализ.

На основе классификаций безэквивалентной лексики в монгольских языках, представленных в различных исследованиях [9–14] выделены пять лексико-тематических групп, отражающих диалектные особенности калмыцкого языка. Общее число выборки – 86 лексических единиц.

Кочевой быт и хозяйство. Наиболее многочисленная группа (58 лексем) отражает традиционный образ жизни. Калмыки считаются кочевыми скотоводами, разводящими четыре вида скота – верблюдов, лошадей, коров и овец. В связи с этим в калмыцком языке сложился довольно разнообразный пласт номадной лексики, отражающий различные названия возраста и пола домашнего скота, переработку продукции животноводства, характеристику пастбищ, продукты питания и др. Данную группу можно разбить на несколько подгрупп:

1) животноводческая лексика общего характера: *земсг* (дерб.) ‘послед животных’ [12, с. 169]; *намс* (намц) (торг.) ‘послед у коровы’ [12, с. 176];

2) лексика коневодства: *адсх* (торг.) ‘останки павшей лошади’ [12, с. 187]; *мальш* (торг.) ‘седёлка; крытая кожей подушка, подкладываемая под чересседельник лошади’ [12, с. 199]; *шиг* (торг.) ‘гвозди для подковы’ [12, с. 216];

3) лексика, связанная с разведением крупного рогатого скота: *бозлг* (торг.) ‘бычок-сосунок (в возрасте до года)’ [12, с. 220]; *бэмбэ* (дерб.) ‘кизьяк овальной формы’ [12, с. 220]; *шоодралх* (торг.) ‘бежать, задрав хвост, от укуса овода (о крупном рогатом скоте)’ [12, с. 227];

4) лексика верблюдоводства: *зорһсн* (бузав.) ‘верблюжья шерсть’ [12, с. 230]; *му дуута бадильян* (торг.) ‘верблюд (табуированное слово)’ [12, с. 231]; *накулдх* (торг.) ‘спутывать ве-

ревкой (передние ноги, голову и шею верблюда, чтобы он не мог встать)’ [12, с. 231]; *өг* (дерб.) ‘подстилка (кошма) для верховой езды на верблюде’ [12, с. 231]; *хойр харулт* (торг.) ‘верблюды (табу)’ [12, с. 234];

5) лексика овцеводства: *боиш* (торг.) ‘отростки шерсти (вокруг хвоста, на животе, вокруг глаз овцы)’ [13, с. 112]; *жөөдмг* (торг.) / *жөөмг* (дерб.) ‘пучок, клочок волос, шерсти’ [12, с. 236]; *теерүхэ* (дерб.) ‘верблюжонок (на языке детей)’ [13, с. 489]; *овжур* (дерб.) / *увжур* (торг.) ‘рожок для кормления ягнят’ [12, с. 238]; *хоңһрг* (торг.) ‘сухой овечий помет’ [12, с. 239];

6) переработка продукции животноводства: *ноосн шигм* (торг.) ‘шерстяные носки’ [12, с. 114];

7) изделия из кожи, шерсти, волоса животных: *амһлжн* (торг.) ‘длинная веревка (свитая для прочности из овечьей и верблюжьей шерсти), аркан’ [12, с. 128];

8) лексика рыболовства: *далвур* (торг.) ‘жабры’ [13, с. 179]; *заһс бәрдг саг* (торг.) ‘сачок для ловли рыбы’ [13, с. 435]; *ахан* (торг.) ‘ахан (ставная сеть для ловли красной рыбы)’ [13, с. 179];

9) блюда и их приготовление: *аадмг* (дерб.) ‘творог, творожная накипь на дне котла’ [14, с. 99]; *аарин үсн* (торг.) ‘сгущенное молоко’ [13, с. 19]; *аарц* (бузав.) ‘творог (получаемый заквашиванием свежесдоенного молока)’ [12, с. 136]; *алтн амн* (торг.) ‘золотой рот (о сазаньем рте, губах, как лакомом блюде)’ [13, с. 41]; *һальжса* (торг.) ‘рыбное ассорти (делается из рыбных потрохов с добавлением филе рыбы)’ [12, с. 139]; *билән* (дерб.) ‘блины’ [13, с. 99]; *доладг* (бузав.) ‘творожная масса, размешанная в молоке (молочное блюдо для детей)’ [12, с. 140]; *тур* (торг.) ‘болтушка, тюря рыбная (еда из рыбьей ухи с крошеным хлебом)’ [12, с. 143]; *сәсвг* (дерб.) *редко* ‘мясо (постное)’ [13, с. 446]; *хаиш* (дерб.) ‘каша’ [13, с. 584]; *хог тосн* (бузав.) ‘хог тосон, сладкое блюдо (готовится из очищенных от кожуры и семечек, нарезанных дольками груш или яблок, которые заливают сметаной и варят с добавлением сахара до получения густой массы. Едят *хог тосон* в холодном виде)’ [12, с. 144];

10) предметы домашней утвари: *агдан* (торг.) ‘агдан (бутыл с узким горлом)’ [12, с. 279]; *адсһ* (торг.) ‘кожаная (из шкуры лошади) бадья емкостью в два-три ведра’ [12, с. 186]; *донжсг* (дерб.) ‘чайник (удлиненной формы)’ [12, с. 281]; *күв* (торг.) ‘ручная маслобойка’ [12, с. 282];

11) наименования одежды, материи и обуви: *эрвң* (бузав.) ‘жир (брюшной полости лоша-

ди, употреблявшийся раньше в сыром виде)’ [13, с. 69]; *баальнг* (дерб.) ‘валенки’ [13, с. 71]; *баишг* (торг.) ‘башлык’ [13, с. 87]; *боотньг* (дерб.) ‘детские меховые чулки’ [13, с. 109]; *брил* (дерб.) ‘шляпа’ [13, с. 115]; *жәтаг* (бузав.) ‘девичий головной убор с вышитыми узорами и сплюсненным верхом’ [12, с. 288]; *заппу* (торг.) ‘фартук, передник’ [12, с. 288]; *наңк* (торг.) *нанка* (материя) [13, с. 368]; *шапан* (дерб.) ‘бешмет (стёганный)’ [13, с. 665]; *шигм* (торг.) ‘носки’; *ут шигм* ‘чулки’ [12, с. 293];

12) музыкальные инструменты: *икл* (бузав.) ‘гармошка’ [13, с. 147];

13) денежные единицы: *таалюр* (дерб.) ‘серебряная монета в пятьдесят копеек’ [13, с. 468];

14) оружие, инструменты: *бишл* (дерб.) ‘вилы’ [13, с. 97]; *бөгжс* (торг.) ‘скоба, двойной крючок’ [13, с. 112]; *дамжсг* (торг.) ‘рубанок’ [13, с. 181]; *кедрһн* (торг.) ‘скалка, каталка (для обработки кожи)’ [13, с. 288]; *мадг* (торг.) ‘тесак’ [13, с. 338]; *хажс* (торг.) ‘коса’ [13, с. 567]; *ценг* (бузав.) ‘вилы’ [13, с. 632]; *аарх* (дерб.) ‘веялка’ [14, с. 99].

Из представленных (58 лексем) распределение по диалектам выглядит следующим образом: торгутский диалект – 32 лексемы; дербетский диалект – 16 лексем; бузавский диалект – 8 лексем; 2 лексемы представлены в торгутском и дербетском диалектах в различных графических вариантах. Представленное распределение свидетельствует о доминировании торгутского диалекта в формировании данной подгруппы безэквивалентной лексики.

Природный мир. В данную группу входят слова, обозначающие растительный и животный мир. В этой группе встречаются лексемы, где одно и то же понятие передается разными словами, при этом иногда они могут быть в наличии в обоих диалектах, а также заимствованные из русского языка. Например:

1) растительный мир: *аһурцг* (дерб.) ‘огурец’ [14, с. 102]; *хаяр* (торг.) ‘огурец’ [14, с. 102]; *дураг* (дерб.) ‘тыква / тыквенный’ [13, с. 215]; *чанач* (бузав.) ‘тыква’ [14, с. 105]; *һалдм* (торг.) ‘съедобные молодые побеги чакана’ [13, с. 154]; *зарм* (дерб.) ‘просо; крупа’ [13, с. 122]; *шалхсг* (дерб.) ‘репа’ [13, с. 147]; *эрднь шиишэ* (торг.) ‘кукуруза’ [13, с. 677];

2) животный мир: *манжуха / манж авн* (торг.) 'тарантул' [13, с. 341]; *кота* (торг.) 'кошка'*; *маиш* (торг.) 'кошка'**.

В данной группе рассмотрено 11 лексем, где 4 – относятся к дербетскому диалекту; 6 – к торгутскому; 1 – к бузавскому говору. Наблюдается обозначение одного и того же понятия разными лексемами (4 единицы), при этом иногда они могут быть в наличии в обоих диалектах. Особый интерес представляют лексемы, характерные только определенному говору, имеющие узколокальное бытование (7 единиц). Такое явление наблюдается в районах Калмыкии, где компактно проживают этнические группы. Так, например, диалектные особенности калмыцкого языка лучше всего сохранились в Кетченеровском и Лаганском районах Республики Калмыкии, в основном, у носителей пожилого возраста.

Термины родства. В калмыцком языке термины родства имеют свои особенности: они патрилинейны, различаются по возрасту и полу участников, линии родства (по отцу и матери), а также активно маркируют брачные связи. Для многих категорий есть отдельные формы обращения и описания, а также уважительные и уменьшительные варианты.

В данной группе имеются слова, характерные определенному диалекту калмыцкого языка. Например: *аажа* (торг.) 'обращение к старшим родственницам, например, к сестре, снохе' [12, с. 294]; *аак* (дерб.) 'обращение к матери' / *аак* (торг.) 'обращение к отцу или дяде по отцу' [12, с. 294]; *абай* (торг.) 'обращение младшего брата к старшему' [13, с. 20]; *баав* (дерб.) 'отец, папа' / *баав* (торг.) 'мать, мама' [13, с. 296].

В представленной группе 4 лексемы, 2 из которых относятся и к торгутскому, и к дербетскому диалекту и употребляются в разных значениях. 2 единицы распространены в торгутском диалекте. Здесь отмечаются лексико-семантические расхождения на основе развития полисемии. «Довольно часто наблюдаются случаи, когда в одной из сравниваемых языковых единиц то или иное слово получает дальнейшее развитие, расширяя или приобретая более отвлеченное, либо переносное значение, тогда в других единицах оно не претерпевает больших изменений [15, с. 70].

* ПМА Лиджиевой Л.А., информант Манджиев Андрей Кекшенович, 1952 года рождения, г. Лагань Лаганский район Республика Калмыкия.

** ПМА Лиджиевой Л.А., информант Дорджи-Горяева Раиса Годжаевна, 1955 года рождения, п. Улан-Хол Лаганский район Республика Калмыкия.

Религиозные термины. «Синхронность процессов консолидации калмыцкого этноса и распространения буддийского учения обусловила включение традиционных представлений и верований этнических предков в культуру калмыков. В добуддийских верованиях, таким образом, в реликтовых формах сохранены элементы ранних верований ойратов. При изучении религиозных воззрений народов, исповедующих буддизм, обычно отмечается его тесная связь с более ранними верованиями, наличие которых и составляет этническую специфику национальной формы мировой религии» [16]. В данной группе диалектных слов мало, все они являются общими для всех говоров калмыцкого языка. В калмыцко-русском словаре встретилась только одна лексема: *доньр* (торг.) 'секретарь хурула; монастырский писарь' [13, с. 207].

Термины, связанные с обычаями и обрядами. В культуре любого народа обычаи и обряды занимают особое место. Они отражают ключевые ценности общины: почтение к старшим, гостеприимство, родовую солидарность и стремление к сакральному миру. Сквозь бытовые практики, семейные ритуалы просматривается цельная картина мировоззрения калмыцкого народа.

Особые различия в традиционной культуре калмыков наблюдаются при проведении свадебных обрядов. «Современный свадебный комплекс у калмыков включает: знакомство (*зэңг орулһи*); сватовство (*хурвн бортх / тавн бортх*); свадьба (*хурм*); приезд родителей и близких невесты (*берин төркн*). Из его состава полностью исчезли или трансформировались многие этапы, обряды и ритуалы, обусловленные кочевым образом жизни и связанными с ним представлениями» [17, с. 363].

Свадебные обряды сопровождалась подарками: *чансн махн* 'вареная баранина'; *боорцг* 'разные по форме изделия из теста, которые жарятся в кипящем масле или жиру'; *шикр-балта* 'сладости' и *эрк* 'спиртное'. Дербеты строго придерживались данной традиции и в число подарков обязательно включали вареное мясо. В торгутской свадебной традиции допускался привоз сырого мяса – *туүкэ махн**.

Особо выделяется обряд почитания матери жениха. Сторона невесты преподносит ей подарок в виде *цаһан шалвр* 'белых штанов', которые связаны с культом матери, почитанием ее женского лона. Она надевала их на свадебном

* ПМА Лиджиевой Л.А., информант Лиджиев Мингиян Алексеевич, 1975 года рождения, г. Элиста Республика Калмыкия.

торжестве. Е.Э. Хабунова отмечает, что данная традиция характерна только дербетам. У этнической группы хошутов в качестве подарка матери жениха преподносят *лавиг* ‘халат’ [18; 19]. В данной группе рассмотрены 12 лексем, к диалектным словам относятся всего 2 слова, которые по одному представлены в дербетском и торгутском диалектах. 10 единиц являются общими для всех диалектов.

Следует заметить, что многие слова вошли в литературный язык, который в основном сформировался на основе дербетского и торгутского диалектов. Среди множества данных слов встречаются и заимствования из русского языка, например: *бишл* (дерб.) ‘вилы’; *аһурцг* (дерб.) ‘огурец’; *кота* (торг.) ‘кошка’; *машк* (торг.) ‘кошка’; и др.

Таким образом, анализ диалектологического материала выявил: лексемы узколокального употребления; междиалектную вариативность в номинации одного и того же понятия; семантическую дивергенцию, при которой одна и та же лексема в разных диалектах реализует различные значения. Представленная безэквивалентная лексика тематически довольно разнообразна. Словарный состав диалектов отражает термины, обозначающие материальную и духовную культуру, родственные отношения, религиозные воззрения, животный и растительный мир и др.

Из общего числа выборки (86 лексических единиц) наибольшее число безэквивалентных лексических единиц обнаружено в торгутском диалекте (42), несколько меньше – в дербетском (21) и наименьшее – в бузавском (9). 4 лексемы фиксируются как в торгутском, так и в дербетском диалектах, они демонстрируют как графические, так и семантические различия, 10 лексем являются общими для всех диалектов. Лексика торгутского диалекта отличается наибольшим тематическим разнообразием по сравнению с дербетским и бузавским диалектами, в которых безэквивалентные единицы представлены более ограниченными, локализованными тематическими группами.

Рассмотренная безэквивалентная лексика калмыцких лингвокультурных сообществ показывает, что язык одновременно сохраняет уникальность исторического опыта и обеспечивает связь с другими культурами через перевод, заимствования и пояснения. Именно через призму понимания функциональной роли в жизни этноса безэквивалентная лексика перестает быть «трудностью перевода» и становится ресурсом межкультурного взаимопонимания и уважения к

разнообразию человеческих миров. Полученные данные уточняют существующие описания калмыцких диалектов и могут быть использованы при создании диалектных и двуязычных словарей, а также в практике межкультурной коммуникации.

Список источников

1. Мухтарова С.С. Особенности безэквивалентности в лексическом пространстве казахского, русского, английского языков (на материале переводов художественной литературы): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2021. 12 с. С 3.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 120 с. С. 94–95.
3. Убушаев Н.Н. Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: АОр НПП «Джангар», 2006. 136 с. С. 5–6.
4. Кичиков А.Ш. Дербетский говор (фонетико-морфологическое исследование). Элиста: Калмгосиздат, 1963. 87 с.
5. Павлов Д.А. Каракольские калмыки и их язык. Элиста: Калм. гос. ун-т, 1990. 64 с.
6. Павлов Д.А. Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка // Записки НИИЯЛИ КАССР. 1964. Вып. 3. Сер. филологии. С. 40–68.
7. Тенишев Э.Р. О языке калмыков Иссык-Куля // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 82–87.
8. Убушаев Н.Н. Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 196 с.
9. Олядыкова Л. Б. Безэквивалентная лексика и фразеология в поэтической картине мира Давида Кугультинова (на материале произведений в русском переводе). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 384 с.
10. Томтогтох Г. К вопросу о классификации безэквивалентной лексики и способах её перевода (на примере монгольского языка) // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. №2 (21). 2016. С. 120–126.
11. Баянова А.Т. Лингвокультурологические особенности фольклорного текста (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2020. 14 с.
12. Цэндээ Ю., Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улан-Батор: «Ганпринт», 2016. 336 с.
13. Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
14. Бардаев Э.Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1985. 156 с.
15. Митрошкина А.Г. Говор качугских (верхоленских) бурят // Исследование бурятских гово-

- ров. Вып. № 11. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1968. С. 47–73.
16. Бакаева Э.П. Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: «ИКИАТ», 2009. 159 с. С. 7.
 17. Шараева Т. И. Терминология традиционного свадебного комплекса у калмыков: шахата // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 361–372.
 18. Борджанова Т.Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с. С. 209.
 19. Хабуннова Е.Э. Хулмт (Очаг). Обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков. Элиста: АОР «НПП «Джангар», 2005. 206 с. С. 62.
 8. Ubushaev H.H. *Phonetics of the Torgut Dialect of the Kalmyk Language*. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1979. 196 p. (In Russ.).
 9. Olyadykova L. B. *Equivalent vocabulary and phraseology in the poetic worldview of David Kugultinov (based on the works in Russian translation)*. Elista: ZAO «NPP «Dzhanger», 2007. 384 p. (In Russ.).
 10. G. Tomtogto. *On the Classification of Equivalent and Non-Equivalent Vocabulary and Methods of Its Translation (Based on the Mongolian Language)*. In: *Linguistics and Intercultural Communication*. Issue No. 2 (21). 2016. P. 120–126. (In Russ.).
 11. Bayanova A.T. *Linguistic and cultural features of folklore text (on the example of Kalmyk fairy tales recorded by G. J. Ramstedt)*: abstract PhD Dis. Moscow, 2020. 14 p. (In Russ.).
 12. Yu. Tsendee, Pyurbeyev G.Ts. *Explanatory dictionary of the traditional way of life of the Oirats of Mongolia and Kalmyks*. Ulaanbaatar: Ganprint, 2016. 336 p. (In Russ.).
 13. *Kalmyk-Russian Dictionary*. / Ed. by B.D. Muniev. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Russ.).
 14. Bardaev E.Ch. *Modern Kalmyk Language*. Lexicology. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1985. 156 p. (In Russ.).
 15. Mitroshkina A.G. *The dialect of the Kachug (Verkholeensk) Buryats*. In: *Study of Buryat dialects*. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1968. Issue 11. P. 47–73. (In Russ.).
 16. Bakaeva E.P. *Sacred Codes of Kalmyk Culture*. Elista: IKIAT, 2009. 159 p. P. 7. (In Russ.).
 17. Sharaeva T. I. *Terminology of the Traditional Wedding Complex among the Kalmyks: Shahata*. In: *Oriental Studies*, 2022. Vol. 15. No 2. P. 361–372. (In Russ.).
 18. Bordzhanova T.G. *Ritual Poetry of the Kalmyks (Genre System, Poetics)*. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 2007 592 p. P. 209. (In Russ.).
 19. Khabunova E.E. *Rites and Ritual Folklore of the Kalmyks Life Cycle*. Elista: AOR «NPP «Dzhanger», 2005. 206 p. P. 62. (In Russ.).

References

Шифр специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Информация об авторах

Л.А. Лиджиева – кандидат филологических наук, доцент кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики. Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова. 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11;

Е.В. Голубева – кандидат филологических наук, доцент, и.о. декана факультета довузовской подготовки и обучения иностранных граждан. Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова. 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11;

Н.Ю. Мандеев – магистрант. Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова. 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11;

Д.М. Лиджиева – магистрант. Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова. 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11.

Information about the authors

L.A. Liudmila – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Kalmyk Language, Mongolistics and Altaic Studies. B.B. Gorodovikov Kalmyk State University. 358000, 11, Pushkin St., Elista;

E.V. Golubeva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Acting Dean of the Faculty of Pre-University Education and Training of Foreign Citizen. B.B. Gorodovikov Kalmyk State University. 358000, 11, Pushkin St., Elista;

N.Yu. Mandeev – Master's student. B.B. Gorodovikov Kalmyk State University. 358000, 11, Pushkin St., Elista;

D.M. Lidzhieva – Master's student. B.B. Gorodovikov Kalmyk State University. 358000, 11, Pushkin St., Elista.

Вклад авторов:

Лиджиева Л.А. – научное руководство, концепция исследования, развитие методологии, написание исходного текста, итоговые выводы.

Голубева Е.В. – научное руководство, концепция исследования, развитие методологии; доработка текста, итоговые выводы.

Мандеев Н.Ю. – доработка текста, сбор материала, итоговые выводы.

Лиджиева Д.М. – доработка текста, сбор материала, итоговые выводы.

Статья поступила в редакцию 14.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 10.12.2025.

The article was submitted 14.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 10.12.2025.